

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65
EDN: WNOMWS

Научная статья

Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе

Э.Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1
 shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. Образ букв рассматривается как символ национальной исторической памяти — на примере повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки», где буквы выступают не только в своем прямом значении, они — антитеза навязанной культуре, языку, историческим интерпретациям. В статье обосновывается правомерность употребления термина «транскультурная литература» взамен распространенного и алогичного «русскоязычная литература», так как в этом виде творчества первоначально изображено иной этнической картины мира, иных национальных образов мира. Аналитика романа «Руки-реки» современной писательницы Лианы Шахвердян представлена именно в этом ключе — транскультурной литературы: в романе выделены узловые темы и проблемы, связанные с восстановлением памяти семейного рода и армянского народа, подвергшегося, как и миллионы советских граждан, сталинским репрессиям. Развернута метафора ковроточного искусства культуры «ковер», образы местной фауны — «птицы» и «змеи», ставшие ключевыми в сюжете романа «Руки-реки». Роман Лианы Шахвердян, основанный на архивных документах, восполняет утраченную страницу истории XX века, тем самым вписывается в актуальный вектор современного литературного процесса — архивный.

Ключевые слова: Глиняные буквы, плывущие яблоки, буквы, остраконы, память, ковер как метафора рода, транскультурная литература, русскоязычная литература, Лиана Шахвердян, роман Руки-реки, сталинские репрессии

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Шафранская Э.Ф. Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 55–65. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65

© Шафранская Э.Ф., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Letters, Memory, Language: about Russian Transcultural Literature

Eleonora F. Shafranskaya

Moscow City Pedagogical University,
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation
 shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The author of the article focuses on the image of letters as a symbol of national historical memory — on the example of Sukhbat Aflatuni’s story “Clay letters, floating apples”, where the letters act not only in their direct meaning, they are the antithesis of the imposed culture, language, historical interpretations. The article substantiates the legitimacy of using the term “transcultural literature” instead of the common and illogical one — “Russian-language literature”, since in this type of creativity the image of a different ethnic picture of the world, other national images of the world is paramount. The novel “Hands-rivers” by the contemporary writer Liana Shahverdyan is analyzed precisely in the categories of transcultural literature: the novel highlights the key themes and problems associated with the restoration of ancestral memory of family and the Armenian people, who, like millions of Soviet citizens, were subjected to Stalinist repressions. The metaphor of the carpet weaving culture, the carpet, the images of the local fauna — birds and snakes became the key ones in the analysis of the plot of the novel “Hands-rivers”. The novel by Liana Shahverdyan, based on archival documents, fills in the lost page of the history of the XXth century, thus fitting into the current archival vector of the contemporary literary process.

Key words: Clay letters, floating apples, letters, ostracons, memory, carpet as a metaphor of the genus, transcultural literature, “Russian-language” literature, Liana Shakhverdyan, the novel “Hands of the River”, Stalin’s repressions

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Shafranskaya, E.F. 2022. “Letters, Memory, Language: about Russian Transcultural Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):55–65. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65

Введение

В мировой словесности за буквами (деталью и образом) давно закреплена символика основ культуры. В повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Сухбата Афлатуни читателю предлагается не только раскодировать эпитет *глиняные* из заглавия, но и саму интенцию букв как детали, символа, концепта. Помещенные в контекст русского текста, повествование которого ведется от лица рассказчика, странно говорящего по-русски, буквы в этой повести — многогранная деталь, с новыми смыслами. Персонажи повести, жители села, знают буквы: они учат наизусть хрестоматийные тексты русской классики, ведут записи (рассказчик), делают

надписи в различных учреждениях — казалось бы, отношения с буквами у них вполне адекватные. Однако в село пришел Новый Учитель с намерениями, отличными от тех, которыми руководствуется Старый Учитель, — к нему все привыкли: к его цитатам из Лермонтова, к его палке, мотиватору обучения, к его панегирикам в адрес русской литературы. Новый Учитель спокойно, без пафоса ищет вместе с учениками буквы древнего алфавита: Алейг, Яхиль, Сардош, Марафлион, Вараам... Юрудж, Шафхор, Барфаид, Осс, Кижжир, Юприхам, Форфур... Хукут, Ёриол, Катахтам¹. (Это не существующий в реальности алфавит, он «реален» в контексте сюжета повести.) Найденные буквы символизируют не только собственно забытый алфавит, обретение куда шире: с их помощью будет найдена сама история этого народа, его культура, замененная на рубеже последних веков «русскоязычием» во всех нишах существования, которое привело к стагнации и эсхатологическому финалу. Время остановилось (см. об этом: [1]). Люди не стали манкуртами, но они учили другую историю, постигали чужие ценности, равнялись на непонятные им ориентиры. В рассказе-сказке «Ташкентский Голем» этого же автора стагнирующая, находящаяся в летаргии земля просыпается от двухвековой спячки — посредством Голема:

Это месть, месть этой земли. Месть нам, приехавшим сюда, со своими лозунгами, заводами и трамваями. С гордостью, которая лезет из нас, как вакса из тюбика. А что делает в таких случаях земля? Поднатужится и рождает богатыря. Здесь древняя, умная и по-своему хитрая земля. И вот нам результат. Не богатырь, а голем. Гулям².

Эта преамбула важна для рассуждения об особом корпусе литературных текстов — как их называть: русскоязычными или транскультурными; о проблемах, которые в них поднимаются; об исторической памяти, обращение к ней содержится во множестве транскультурных текстов, природа которых зиждется на билингвальности и поликультурности, и потому острой проблеме самоидентификации и поисках своих корней.

Обсуждение

В отечественном литературном процессе второй половины XX века появились писатели, которых упорно стали называть *русскоязычными*. Термин неудачный, нелогичный (как будто русский писатель не русскоязычный), однако прижился и до сей поры активно употребляется в литературоведческом дискурсе.

¹ Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки. Повести. М.: Эксмо, 2020. С. 3.

² Афлатуни С. Ташкентский Голем // Сухбат Афлатуни. Приют для бездомных кактусов. М.: Эксмо, 2021.

Картина мира таких «русскоязычных» авторов была сформирована вне зоны русской культуры, с детства они говорили на своих родных языках, не на русском. Однако социокультурный бэкграунд подвиг их к освоению русского языка, который стал языком их литературного творчества. Об исторических процессах, приведших к рождению такого «русскоязычного» творчества, пишут многие исследователи, в частности, У.М. Бахтикиреева (с соавторами) [2–4], собственно, этой исследовательнице и ее ученикам принадлежит более адекватный термин, взамен «русскоязычной» литературы, — *транслингвильная*, или *транскультурная*.

Писатели нового поколения из бывших советских республик (конец XX и начало XXI века), чье творчество складывается в несколько иной культурной и языковой ситуации, по инерции могли бы называться «русскоязычными», но таковыми не являются. Часто характеристика «русскоязычные» сопровождается довеском «так называемые» [3. С. 15]. Это русские авторы (родной язык для них — русский). Таким образом, термин «русскоязычные» к сегодняшнему дню и в применении к писателям нерусского происхождения теряет свою историческую значимость. (Однако, к сожалению, многие исследователи упорно продолжают использовать этот термин не по назначению.)

Русское транскультурное творчество играет в литературном процессе роль посредника между двумя культурами. Его авторы — составляющая литературного процесса XX–XXI веков, они — трансляторы культур: понимая обе, доводят до реципиентов инокультуры наиболее значимое в своей культуре и отличное от русской.

Анализируя подобную ситуацию в творчестве Хаида Исмаилова, литературовед Г.Т. Гарипова пишет, что литератор, как человек рассказывающий, одновременно способен обрести систему любого национального миробития и сохранить свое, приобретенное рождением, национальное самосознание, свою картину мира, которую средствами любой языковой эстетики воссоздает в художественном тексте. Так воплощается, по словам Гариповой, идея синтеза «наций, языков, культур, творческих методов и стилей» [5. С. 77].

В конце существования советской империи многие писатели поспешили отмежеваться от русской литературы, «встроив» себя в нишу какой-либо национальной литературы. Но языком их творчества по-прежнему является русский. Это больше говорит не о писателях, а о русском языке: он вне границ; никакое государство не вправе считать его своей собственностью, язык безграничен, он в моральном и этическом плане выше политики, деяний и чаяний чиновников; язык — некая субъектность, находящаяся на высшей ступени условной гуманистической шкалы.

Так, по-русски пишет стихи и прозу Лиана Шахвердян, *тбилисская армянка*, которая после ряда опубликованных сборников в Ереване активно вошла в российский мейнстрим публикациями в журналах «Дружба наро-

дов» (рассказ «Белое платье» — 2017, № 7; роман «Руки-реки» — 2021, № 9) и «Нева» (стихи — 2020, № 3). Что заставляет этого автора писать по-русски? С одной стороны, это ее частная судьба и личное дело, с другой — она (и ее предки), как и миллионы людей, наследница бремени империи (сначала Российской империи, затем СССР), и еще не один век эти процессы не будут соответствовать месту проживания и этнической графе. Прошло совсем мало времени: постсоветские процессы пока находятся в агонии, до их угасания в тумане времени еще очень далеко. Однако это и радует, подтверждая высказанную мысль: язык — вне границ и чиновничьих циркуляров, он сам себе господин и хозяин. По поводу выбора писателем языка творчества заслуживает внимания фигура Хамида Исмаилова, литературное творчество которого — яркий пример транскультурной литературы. Хамид Исмаилов может быть представлен и как русский писатель — он пишет по-русски, и как узбекский писатель — пишет по-узбекски, и как английский писатель — пишет по-английски, и как французский — пишет по-французски. Г.Т. Гарипова считает, что для творческого сознания Хамида Исмаилова характерно размыкание границ языковых и художественно-национальных картин мира [6. С. 433; 7; 8]).

Лиана Шахвердян не встраивает свое творчество ни в какую парадигму, она пишет так, как ей удобно и как для нее органично, искренне делится с читателями волнующими ее проблемами. Так случилось, что эти проблемы роднят Лиану Шахвердян с другими коллегами-литераторами. Возможно, здесь вступает в свои права метатекст — полумистическая субстанция, как бы «диктующая» писателям, порой никак друг с другом не связанным, одни и те же темы, ставит перед ними одни и те же вопросы, в частности: что стало с моими дедушками и бабушками, жившими при Сталине, почему и за что тиран уничтожил миллионы?

В 1990-е стали открываться архивы, подрастало новое поколение, не зашоренное советской пропагандой и страхами, и — как результат — уже в XXI веке в литературном процессе стал складываться новый литературный жанр — архивный роман. По поводу активного обращения литераторов к архивным документам писатель и критик Евгений Абдуллаев замечает: «Роман, в начале нулевых несколько потесненный нон-фикшеном, затем синтезировал его в себе. И не только в чисто документальном романе, но и во вполне вымышленном» [9. С. 119]. В статье «Архивный вектор в современной русской литературе» [10] рассмотрен ряд текстов, вписывающихся в этот вектор, писателей Натальи Громовой, Сухбата Афлатуни, Саши Филипенко. Совершенно органично этот ряд должен быть продолжен романом «Руки-реки» Лианы Шахвердян.

Ошельмованные, запятанные, замученные граждане СССР, как правило, яркие и талантливые личности, уничтожались в 1930–1940-х годах в «промышленных» масштабах — работал сталинский конвейер. Как это

было в реальности — уже описано в статье, которая основана на следственных делах советских художников, расстрелянных в Бутове [11]. Об этом трагическом этапе в истории XX века надо писать не останавливаясь — столько безвестных судеб, столько безвинных жертв, не найдены места захоронения, не восстановлены честные имена: если у приговоренного к расстрелу сталинскими «двойками» и «тройками» не было родственников, то этих людей редко и реабилитировали. Воссоздание их биографий могло бы стать глобальным проектом постсоветской истории, достойным высшего проявления человечности.

Современная писательница Лиана Шахвердян включилась в этот необъявленный проект: она стала исследовать жизнь своего рода, делая для себя открытие за открытием: дед, бабушка, дяди, их близкое окружение — все попали под сталинский каток. История семейного рода превратилась в роман о Дануше, или Даниеле Александровиче Шахвердове, ее прапредке.

Ханум, старая женщина, одна из собеседниц (и «информантов») главной героини романа, говорит, что все происходившее в их роду взаимосвязано, даже завязано в один узел и, чтобы понять прошлое, кому-то надо этот узел распутать — приложить руку, дотянуться руками до судеб предков. Возможно, тогда боль от утраты отступит, горе выпрямится¹.

Метафора *узел* запущена автором романа еще в экспозиции — во время сцены ковроткачества: Люсик, двоюродная тетка героини, завязывает из разноцветных нитей узелки, приговаривая, что теперь она впишет в узор имя своей племянницы, рассказчицы, точнее, первую букву ее имени — между ромбом и дугой спирали. Это важный момент, по мнению обеих участниц действия, так как ковер этот особый: в его орнаменте, как в родословном древе, имена всех детей дома Дурмиши, даже тех, кто уже давно приходится рассказчице пра- и прапрабабкой. Так ушедшие навсегда останутся в жизни дома, в памяти близких, только надо научиться это читать.

Прабабушка навсегда
вплела имя мое
в зигзаги узоров ковра
рода...
народа...
С тех пор все прапра...
мне смотрят в затылок:
я слышу их голоса...²

Эти стихи Лианы Шахвердян, написанные в 2014 году, свидетельствуют, что мысль о роде и народе давно занимает писательницу.

¹ Шахвердян Л. Руки-реки: Роман. Ереван: Ван Арьян, 2022. С. 48.

² Шахвердян Л. Многогочие: Стихи и рассказы. Ереван: Ван Арьян, 2015. С. 9.

Ковер как родовой «штрих-код», как домашний архив — не вымысел автора, это давняя традиция, нашедшая отражение во многих ковроткаческих культурах. Вспомним «Джан» Андрея Платонова, где по вечерам женщины плели ковер из старых тряпок и мешочных ушивок, где на базарах глаза покупателей останавливались на ковровых узорах, в которых читалась нелегкая участь его создательницы и ее рода; узоры повторялись и повторялись — и участь не сулила ничего неожиданного¹.

Вытканная и зашифрованная в коврах история жизни, рода подтверждается исследователями — историками и этнографами. Так, Ш.М. Каннадан пишет, что при изучении ковровых орнаментов на полотнах Ирана и Центральной Азии проступает не только генезис орнаментальных традиций, но и этногенетические связи народов этого региона [12. С. 3]. Археолог Е. Антонова, работая с ковровыми узорами, высказывается более метко: орнаменты как буквы, и их можно читать как книги [13].

Американский писатель Генри Джеймс (1843–1916) создает интригу в своей повести «Узор на ковре» («Фигура на ковре»), сопрягая ковровую метафору — *complex figure* — с литературным творчеством: прочесть ковер — все равно что разгадать скрытый мотив в литературном тексте, и тогда узоры, кажущиеся при первом взгляде хаотичными, вдруг станут правильными и осмысленными. Так работают «чтецы» ковров, так должны работать и те, кто аналитически читает литературные тексты. Так расширяет «ковровую» метафору французская исследовательница Паскаль Казанова [14. С. 6–7], поднимая эту метафору на новый уровень, отталкиваясь от замысла Г. Джеймса: теперь и мировая литературная словесность — это ковер. Однако мы ограничимся задачами статьи, останемся на том уровне метафорики, которая предложена Лианой Шахвердян: ковер — это закодированная карта рода. «Узлы», которые она пытается распутать-разгадать в продолжение всего повествования, — это ее предки и те, которые спасали их или вредили им.

Карта рода предстает не только в виде ковра, но и стены в древнем доме Дурмиши, увешанной фотографиями: эта стена была знаменита на всю Лорийскую округу, ее соорудила Люсик — стена хранила память о членах семьи, рода, о тех, кто был вхож в этот дом. От фото к фото ведет свой опрос героиня, встраивая судьбы прямых предков в общий узор рода. Она скользила по знакомым и незнакомым лицам. Это были ее прапрабабки, прапрадеды, тетки и дядья. Совсем близко к портрету Дануша висел портрет Сталина — рассказчица обращается к Люсик: и он бывал в нашем доме? Сам не бывал, но прислал однажды своих опричников, которые перерыли весь дом, многое унесли с собой, — отвечает Люсик.

¹ Платонов А. Джан: Повесть // А. Платонов. Избранные произведения. М.: Экономика, 1983. С. 486–489.

Вот еще один известный по газетам и телеэкрану персонаж — Микоян. Люсик, а он — из опричников? Нет, отвечает тетка, благодаря ему был спасен сын Дануша. Такой предстает стена — срез частных судеб, частных контактов, врагов и друзей, губителей и спасителей — срез истории XX века.

Основанная на документальных фактах сюжетная линия романа встроена в притчевую раму — о змеях и птицах. Эти персонажи фауны появляются то в преданиях и былях, то в виде метафизических знаков судьбы, то в метаморфных образах (Рипсимэ, Гаянэ, Нина), то в виде метафоры или сравнения, то в названиях глав и частей романа. Остановимся на сюжете одной лорийской были: трехметровая змея ползла по откосу стены в сторону гнезда с птенцами ласточки. Люди заметили эту змею и ее жертв — птенцов можно было спасти. Но Люсик скомандовала: не трогать. Змею убить было сложно — высоко, но птенцы были бы спасены, а змея могла потом вернуться и отомстить. И люди молча наблюдали, как змея заглатывала одного за другим птенцов, как они медленно передвигались вдоль и внутри ее тела. «Больше на той стене птицы не гнездились». Героиня, она же рассказчица, не пытается комментировать этот сюжет, но он выполняет функцию чуть ли не экспозиции в сюжете. Это аллюзия к сталинским репрессиям и безмолвным и безропотным наблюдателям — советским людям, парализованным страхом.

В другом фрагменте романа опять всплывает змея. Когда аресты проходили повсюду: в городах и деревнях, в столицах и селах, в Тбилиси и в Ереване — начинался ад, уподобленный рассказчицей той сцене со змеей, пожирающей птенцов.

Все персонажи из семейной и одновременно всеобщей истории империи разными нитями, руками-реками, тянутся к главному объекту разысканий рассказчицы — ее двоюродному прадеду Данушу, замученному в сталинско-бериевских застенках. Даниел Александрович оказался редкой *птицей*: он не дал себя оговорить, его не сломали пытки. По словам рассказчицы, в судьбе деда ее волновало то, как он держался — словно орел в небе над пропастью, а в его клюве — та самая ядовитая змея, выпустившая жало. «Схватка птицы и змеи была очевидна, и в ее трагическом исходе был урок...»

Будучи ребенком, рассказчица спросила у Ханум-таты, что означает завораживающее слово «революция». Малограмотная, но мудрая Ханум ответила иносказательно: революция — это змея в когтях орла. Не очень поняв эту метафору, рассказчица выросла, не забыв так и непонятый смысл этого образного толкования. Возможно, роман «Руки-реки» и стал дешифровкой этой бабушкиной сентенции, а руки-реки — так названы душевные нити, связующие прошлое с настоящим. О том и стихи, вплетенные в повествование романа:

...руки тянутся к птицам,
птицы тянутся к рукам...

Небо соединяет нас!
Каждый раз вздрагиваю при мысли,
что разучилась летать.

Руки-реки — сердечные нити, *руки-реки* «в сердце сцепились — не расцепили...» — эта стихотворная строка из романного фрагмента как знак: русское слово *сердце* родом из армянского слова *сирт*,¹ так сплелись руки-реки не только из прошлого и настоящего, но и из стихий двух языков.

Заключение

Возвращаясь к транскультурности литературного текста, подведем итоги. В русском романе «Руки-реки» представлен не только корпус политических имен и личностей армянской истории сталинского периода, но и ландшафт Армении, особенности армянского быта и домашних ремесел, взаимоотношения между членами армянской семьи: между старшими и младшими поколениями. В русский текст вплетены слова-армянизмы, обозначающие этноспецифические реалии (например, *кари-глуха* — главное место в армянском селе, его место силы; имена персонажей из фольклорных преданий), усвоенные с детства рассказчицей, говорящей на русском языке.

По наблюдениям исследователя алгоритмов и принципов построения моделей мира в русской литературе советского и постсоветского периодов Г.Т. Гариповой, культурная память указанного хронотопа вобрала в себя череду умираний и возрождений национального сознания (национальных сознаний) народов, населяющих бывшую советскую империю, именно эта черед, эти отливы и приливы национальной памяти определяют литературный облик более чем векового промежутка [15. С. 106]. Восстановлению культурной памяти и служит роман Лианы Шахвердян. Поиски правды, истинной истории сродни поиску *глиняных букв* — первому строительному материалу в истории человечества, расшифровке ковровых узоров. И поиск уже идет: как в буквальном смысле — найдены остраконы, глиняные таблички с буквами [16], так и в переносном — запущен архивный вектор в развитии литературы с целью сохранения памяти.

¹ Ср.: «Сердце. Общеслав. Образовано с помощью суф. -ьць(<-ькъ) от *сьрдь* — „сердце“, имеющего соответствия в других индоевр. яз. (ср. лит. *širdis*, арм. *sirt...*)». Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. С. 407. (Ред.)

Список литературы

1. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Смирнова А.И. Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 132–142.
2. Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 92–97.
3. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Истоки транслингвильной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 1. С. 14–19.
4. Бахтикиреева У.М. Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. Вып. 1. С. 11–17.
5. Гарипова Г.Т. «Археология письма» или сложноорганизованный смысл метасознания Х. Исмайлова // Вопросы филологии. 2020. № 3. С. 77–84.
6. Гарипова Г.Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021.
7. Гарипова Г.Т. Полилингвильзм и транслитературность в контексте метафикоциольных стратегий Хамида Исмайлова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 78–87.
8. Гарипова Г.Т. Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмайлова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре: сб. науч. статей. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 71–86.
9. Абдуллаев Е.В. Как убить литературу: очерки о литературной политике и литературе начала XXI века. М.: Эксмо, 2021. 352 с.
10. Шафранская Э.Ф. Архивный вектор в современной русской литературе // Przegląd Rusycystyczny. Польша, 2022. № 4(180). С. 25–38.
11. Шафранская Э.Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И.В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.
12. Каннадан Ш.М. История орнаментальных традиций в ковроткачестве Ирана и Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2013.
13. Канаева Н. Ковер можно читать как книгу // Голос Армении. 2013. 7 февраля. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/17371/kovert-mozhno-chitat-kak-knigu> (дата обращения: 01.11.2022).
14. Казанова П. Мировая республика литературы / пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
15. Гарипова Г.Т. Специфика социокультурной модели узбекской литературы в постсоветскую эпоху // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: сб. науч. статей Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Москва, 19 апреля 2021 г. М.: Книгодел, 2021. С. 105–116.
16. Харченко А. Христианский монастырь в Ургуте // Фергана. Ру. 2006. URL: https://samtur.uz/na/155-otkuda-v-urgute-hristianskij-monastyr.html?fbclid=IwAR3pVhQGmj3tKGYMDd0L9NC7FfBrV2IP2Bzd5YUr-kVM-MQ5ERFxf7tjSmYI&_utl_t=tm (дата обращения: 01.11.2022).

References

1. Shafranskaya, E.F., Garipova G.T., Smirnova A.I. 2022. "Metaforы ostanovivshegosya vremeni v sovremennoj literature". Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly 4: 132–142. Print. (In Russ.).
2. Bahtikireeva, U.M. 2015. "Russkoyazychie kak aktual'naya mezhdisciplinarnaya problema". Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke 1(45): 92–97. Print. (In Russ.).

3. Bahtikireeva, U.M., Valikova O.A. 2017. “Istoki translingval’noj russkoyazychnoj literatury”. *Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke XIV(1)*: 14–19. Print. (In Russ.).
4. Bahtikireeva, U.M. 2021. “Rusofon — rusofonnyj — rusofoniya — rusofonnaya literatura — slova global’nye ili lokal’nye?”. *Social’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke XVIII (1)*: 11–17. Print. (In Russ.).
5. Garipova, G.T. 2020. “‘Arheologiya pis’ma’ ili slozhnoorganizovannyj smysl metasoznaniya H. Ismajlova”. *Voprosy filologii 3*: 77–84. Print. (In Russ.).
6. Garipova, G.T. 2021. “Principy miromodelirovaniya v russkoj proze XX veka (neklassicheskaya paradigma hudozhestvennosti)”: Doctoral Thesis. Vladimir. Print. (In Russ.).
7. Garipova, G.T. 2020. “Polilingvizm i transliteraturnost’ v kontekste metafikciol’nyh strategij Hamida Ismajlova”. *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki 17(1)*: 78–87. Print. (In Russ.).
8. Garipova, G.T. 2018. “Kalendar’ Moskvy: ‘Sobranie utonchennyh’ i prostranstvo Londona v metasoznanii Hamida Ismajlova”. In *Genius loci v literature, iskusstve, kul’ture*. SPb.: Svoe izd-vo. Pp. 71–86. Print. (In Russ.).
9. Abdullaev, E.V. 2021. *Kak ubit’ literaturu: ocherki o literaturnoj politike i literature nachala XXI veka*. Moscow: Eksmo. Print. (In Russ.).
10. Shafranskaya E.F. Arhivnyj vektor v sovremennoj russkoj literature // *Przegląd Rusycystyczny*. Pol’sha, 2022. № 4(180). S. 25–38.
11. Shafranskaya, E.F. 2021. “Butovskij poligon vs Nukusskij muzej imeni I.V. Savickogo”. *Znamya 7*: 180–205. Print. (In Russ.).
12. Kannadan, Sh.M. 2013. “Istoriya ornamental’nyh tradicij v kovrotkachestve Irana i Central’noj Azii”: Candidate Thesis. Dushanbe. Print. (In Russ.).
13. Kanaeva, N. 2013. “Kover možno chitat’ kak knigu”. *Golos Armenii*. Web. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/17371/kover-mozhno-chitat--kak-knigu> (data obrashcheniya: 01.11.2022).
14. Kazanova, P. 2003. *Mirovaya respublika literatury*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh. Print. (In Russ.).
15. Garipova, G.T. 2021. “Specifika sociokul’turnoj modeli uzbekskoj literatury v postsovetskuyu epohu”. In *Problemy raspada i naslediya SSSR v sovremennom publichnom prostranstve Proceedings*, Moscow, April, 19, 2021. Moscow: Knigodel. Pp. 105–116. Print. (In Russ.).
16. Harchenko, A. 2006. *Hristianskij monastyr’ v Urgute*. Fergana. Ru. Web. URL: https://samtur.uz/na/155-otkuda-v-urgute-hristianskij-monastyr.html?fbclid=IwAR3pVhQGmj3tKGYMDd0L9NC7FfBrV2IP2Bzd5YUr-kVM-MQ5ERFx7tjSmYI&_utl_t=tm (data obrashcheniya: 01.11.2022).

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Фёдоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710;

elibrary SPIN 5340-6268

Bio Note:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Literature Department Moscow City University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4462-5710;

elibrary SPIN 5340-6268